

Костюм для концерта

РОБИНСОН МАТСЕЛЕ



СОБИРАЛСЯ на певческий конкурс. Все мальчики и девочки нашего района должны были явиться в приличных костюмах. Ничего особенного — самый обыкновенный приличный костюм. Но без него нельзя.

Что я больше всего ненавидел, так это галстук, но именно на нем настаивал мой отец как на обязательной принадлежности к приличному наряду. А я всегда чувствовал себя неловко с этой змеей на шее. И мать постоянно ругала меня за то, что я был не похож на других детей, которые, отправляясь в церковь или на такой вот конкурс, надевали яркие спортивные куртки и галстуки.

Для людей, живущих в этой трущобе, было делом чести ухитриться одеть своих детей, участвующих в соревновании, в приличный костюм с непременным галстуком. Ибо это, кроме всего прочего, думали они, имеет влияние и на оценку комиссии. Таким образом, по-видимому, голос и то, что мы пели, было делом второстепенным. Но мы-то сами считали, что важнее всех нарядов была обезоруживающая белозубая африканская улыбка.

Судейская комиссия состояла сплошь из белых, и нам сказали, что они хорошо разбираются в музыке.

— Теперь ты должен спеть получше, — сказала мне мать, когда я, изо всех сил стараясь доказать свое прилежание, мыл тарелки.

— Но, мама, ты же знаешь, как я пою, — ответил я.

— Знаю. Но ведь ты слышал: папа собирается купить тебе костюм и галстук к нему.

— И что, разве из-за костюма я буду петь лучше? Дело ведь не в костюме... — снова попытался я возразить.

— Не дерзи! — отрезала мать. — Ох уж эти нынешние дети, совсем не умеют себя вести. Разговаривают со взрослыми как им вздумается.

Был субботний день. В соседнем дворе громко кудахтали бентамские куры — проголодались, видно. Седоволосый Сонто, наш сосед, вышел из своей хибары и принялся разбрасывать зерно и скликать птиц, смешно подражая их голосам.

Птицы ринулись к нему со всех ног, беспорядочно налетая друг на друга.

Мать стояла в дверях, подбоченившись, в каком-то невероятно длинном ярком коричневом одеянии. Она помахала соседу рукой, затем посмотрела на тучи, которые скапливались на небе все утро и сейчас уже вот-вот готовы были разразиться грозой. От земли шел резкий запах испарений и пыли.

Я старательно тер кастрюлю влажным пером — вон как заблестела!..

Сонто продолжал выкрикивать «цып, цип, цип», скликая кур, потом на минуту остановился, повернулся в мою сторону и сказал старческим дребезжащим голосом:

— Надеюсь, на этот раз победишь ты.

Я с нетерпением ждал отца. Из-за того что была суббота, он мог припоздать — встретить по пути друзей, заглянуть к кому-нибудь из них, чтобы выпить глоток домашнего пива, или просто остановиться порассуждать о том, о сем.

Был он высокий, крепко сбитый, красивый мужчина. И мы любили его, хоть и побаивались его неуравновешенного нрава. Если я баловался, мать грозилась, что пожалуется отцу, и я знал, что лучше мне в таком случае где-нибудь спрятаться, чем потом взывать о помощи. Отец никому не давал спуска. Я знал также, что он был смелый человек. Однажды он защитил нас от пьяных хулиганов, которые ломились к нам в двери. Он избил их кнутом до полусмерти. И в то же время он был добрый и веселый. Он часто рассказывал мне разные случаи из своей жизни. Как-то отец ехал на велосипеде с работы ночью через кладбище. Вдруг перед ним выросла странная фигура. Незнакомец просил разменять деньги. У отца не оказалось с собой ни гроша. И тогда тот человек — надо думать, это было привидение — сказал, что, мол, очень печально, потому что те деньги, которые он много лет тому назад взял с собой в могилу, теперь уже не годятся и ему их нужно поменять... Затем привидение так же внезапно исчезло...

На другом конце поселка слышались голоса, лай собак, шум и крики играющих детей. У входа в нашу хибару, сделанную из гофрированного железа, раздался резкий скрежещущий звук, будто металлом провели по металлу. Это отец прислонил свой велосипед к стене. Мать принялась готовить ужин.

— Ты бы поторопился, — сказал отец входя, — не то магазин закроется.

— А какой костюм мы купим? — спросил я.

— А вот поглядим, — ответил отец весело. — Мы скоро вернемся, времени уж совсем мало осталось, — сказал он матери и, сняв пиджак, вышел со мной из дому.

Барбер-стрит была полным-полна ребятни — моих одноклассников. Кто играл в хоп-скотч, самоотверженно поддавая плоский камень босыми ногами, кто — в бейсбол, не соблюдая никаких правил; группа «футболистов» гоняла теннисный мяч.

У витрины магазина сидело несколько подростков постарше. Они что-то нашептывали друг другу и время от времени громко хохотали, не забывая зорко следить краешком глаза за дорогой. В любой момент сюда могла налететь «квелаквела» — полицейская машина, чтобы проверить пропуска, остановить все движение, ворваться в какой-нибудь дом, хозяин которого заподозрен в незаконной торговле спиртным.

Абдул — местный индеец, хозяин магазинчика, сидел на корточках, заткнув полы своего белого балахона между коленками. На голове его была феска.

Он жевал свою неизменную красную жвачку, время от времени посылая далеко на улицу длинный оранжевый плевок, и громко приветствовал входящих и выходящих покупателей.

— Заходи, мама, заходи, папа! — кричал он.

На стене магазина висело объявление: «Купите костюм — получите в придачу два».

Вдруг я почувствовал, как рука отца крепче сжала мою ладонь. Я взглянул на него и увидел, что лицо его помрачнело, глаза беспокойно забегали. Мы были уже совсем близко от магазина.

Я знал, что отец мой был честный человек. За всю свою жизнь он ни разу не украл и пенни. Он был справедливый и бесстрашный. Таким, как сейчас, я его никогда не видел. Временами мне невольно доводилось подслушать, как его друзья то в шутку, то всерьез выговаривали ему, что уж чересчур он честен по отношению к белым: те ведь никогда не заплатят, чтобы человек мог содержать семью, и все же он ни разу не прихватил у них и бездельницы, чтобы пополнить свои доходы.

Отец неизменно отвечал, что воровство — плохая штука, что это дело для дьявола, и тому, кто ворует, не миновать ада. И меня он предупреждал, что если я стану обманывать или воровать, то гореть мне на вечном огне, перед которым стоит черт с большой длинной вилкой и поворачивает тела тех, кто согрешил на земле.

Я испытывал благоговейный страх от таких рассказов. Я любил отца. В моих глазах это был человек полный чувства собственного достоинства. Было мне в то время десять лет. И когда мать посылала меня отнести ему и его друзьям что-нибудь перекусить, я, передав угощение, усаживался в тени дерева и слушал их долгие беседы. Отец часто повторял, что копит деньги, чтобы купить мне костюм к предстоящему концерту.

Потребовалось почти восемь месяцев, чтобы собрать нужную сумму, и вот сейчас мы наконец уже подходили к магазину... Рука отца сжималась все сильнее и сильнее, так что мне стало больно. Я попытался высвободить ее, но отец не замечал, что делает мне больно, и продолжал сжимать мою руку. Я почувствовал, что ладонь моя вспотела. На лбу отца тоже выступили капельки пота. Холодного пота. Глаза его опять тревожно забегали. Что это с ним? Спросить я боялся.

— Заходи, мама, заходи, папа! — слышался голос Абдула.

Отец ускорил шаг. И тут между нами и магазином остановилась полицейская машина и из нее вывалились два белых полицейских. От одного вида их черной формы с медными пуговицами и блестящими значками по моей спине побежали мурашки.

— Эй, кафр, пропуск! — сказал полицейский отцу, застывшему на месте.

Отец зашарил по карманам. Полицейский нетерпеливо ткнул его дубинкой в ребро:

— Побойсь! Не тяни время!

— Я живу здесь, баас, — сказал отец, показывая в сторону дома, который ведь в самом деле находился в нескольких минутах ходьбы отсюда. — Я могу послать за ним мальчишку.

— Заткнись, ленивый кафр, не ври! Где ты

«Квартет»

Так называется книга рассказов о трагической судьбе чернокожих граждан Юга Африки. На русском языке она вышла в 1969 году в издательстве «Художественная литература». Авторы книги — современные южноафриканские писатели: Ричард Рив, Алекс Ла Гума, Джеймс Мэттьюз и Алф Ванненберг. Их рассказы полны горечи и возмущения, протеста и надежды. В непроглядной тьме, окутывающей ЮАР, они отчетливо видят, как зреют гроздь гнева, как стихийный протест перерастает в целенаправленное организованное движение, которое непременно сметет все преграды, воздвигнутые расистами.

Переводчик этой интересной книги К. Чугунов нашел точные слова для воссоздания на русском языке сложной и трагической жизни обитателей южноафриканских гетто. Перед нами целая галерея образов людей униженных, но не потерявших человеческого достоинство, людей честных, которые не желают мириться с несправедливостью.

Вчитываясь в строки этой книги, явственно ощущаешь, как неумолимо надвигается крах бесчеловечного расистского режима ЮАР. Понять это нам помогли и авторы рассказов, и переводчик книги, который с честью справился со своей задачей.

украл деньги? — заорал второй полицейский, уже успевший обшарить карманы отца.

Я видел, каким беспомощным и жалким стоял отец перед этими людьми.

— Я не украл их, баас.

— Опять врешь! Ни один кафр не может заработать столько денег.

— Я скопил их, баас, чтобы купить сыну костюм для ...

Они заглушили его слова взрывом смеха.

— Нет, ты слышал что-либо подобное. Герт? — сказал один из них с издевкой. — Он собирался купить костюм для этого черномазого! Думает, что он такой же, как белые! Ему, видишь ли, подай костюм, да еще с галстуком!

Одним духом я добежал до дому и кинулся к матери — пусть побыстрее даст мне пропуск, чтобы успеть отнести его отцу. Она сунула руку в карман пиджака, висевшего на гвозде. Потревоженные тараканы, уже нашедшие под пиджаком убежище, попрыгали по щелям. Вот он, пропуск! Я во весь дух бросился обратно, но там, где я оставил отца, уже никого не было. Что делать? Бежать назад?.. Плакать?.. Искать... Предпринять хоть что-то!..

Я вспомнил его лицо, как оно изменилось, холодный пот на лбу, вспомнил, как исчезло все его достоинство, как он смертельно испугался — и понуро поплелся домой.